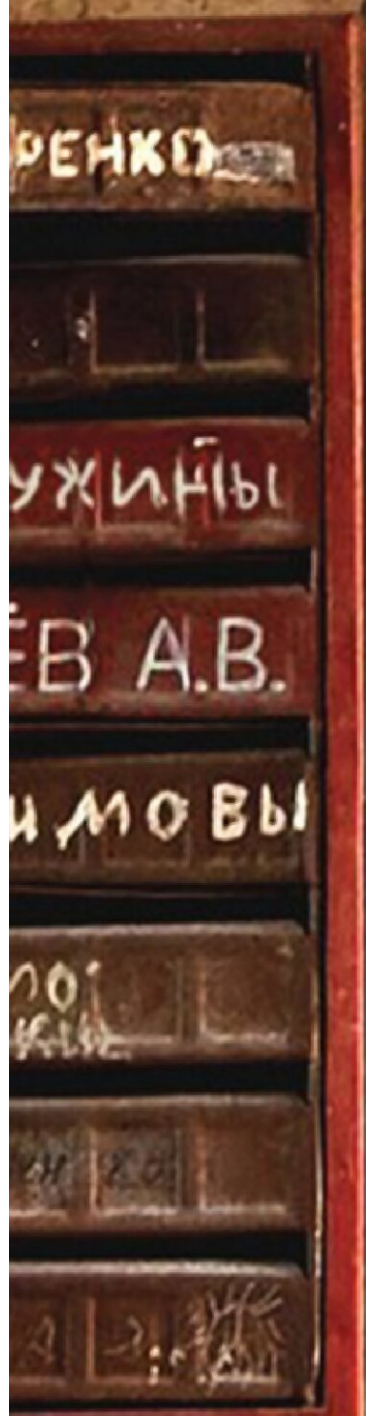

АЛЕКСАНДР ГУЛЬКО

Райгород

РОМАН

Александр Гулько

Райгород

«Вимбо»

2023

Гулько А.

Райгород / А. Гулько — «Вимбо», 2023

ISBN 978-5-00224-812-4

Удивительная и трогательная история Лейба Гройсмана, авантюриста и патриарха семейства. Через призму еврейской семейной саги перед нами проходят потрясения XX века и трагические события истории Советского Союза.

ISBN 978-5-00224-812-4

© Гулько А., 2023

© Вимбо, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1. Начало	10
Глава 2. Погром	13
Глава 3. Первая лавка	16
Глава 4. Гражданская война и другие возможности	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Гулько Райгород

Оформление Андрея Бондаренко

© Александр Гулько

© ООО «Вимбо»

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Посвящается

МОЕЙ МАМЕ,

которая с готовностью подтвердит, что все персонажи, обстоятельства их жизни и даже некоторые исторические факты, описанные в настоящей книге, – плод воображения автора.

Пролог

Солнечным июльским днем по тихой тенистой улице, круто поднимающейся от Южного Буга к центру города, убрав руки за спину, медленно шагает высокий крепкий старик. Он одет в синий шевиотовый костюм с вытертыми до блеска рукавами и белую застиранную рубашку. На голове его серый бесформенный картуз, на ногах – стоптанные, покрытые пылью ботинки. Утомленный жарой и крутым подъемом, старик время от времени останавливается. Сняв картуз, утирает им лоб, тяжело вздыхает и что-то бормочет. Отдышавшись, разочарованно машет рукой и идет дальше. Миновав невысыхающую лужу у водопроводной колонки и увитый диким виноградом забор, он сворачивает в узкий переулочек и через минуту оказывается во дворе своего дома.

Жарко. В знойном мареве кружатся мухи. Пахнет горячей пылью и нагретой травой. В зарослях чертополоха дремлет кот. Суется и чирикает, в пыли купаются воробьи. Беспокойные голуби требуют свою вечную «че-куш-ку!». На старой покосившейся скамейке сидит Роза, соседка старика. На ней цветастый сатиновый халат и разношенные тапки на босу ногу. Уложив внука спать, Роза вышла подышать свежим воздухом, уселась в тени ветвистой акации, разомлела и задремала.

Увидев ее, старик радуется, думает, что наконец-то есть с кем словом перемолвиться. Тем более что он сегодня уже успел побывать на кладбище, в собесе, в сберкассе, и у него куча новостей. Старик осторожно опускается на край скамейки и тихо прокашливается.

– Здравствуйте, дядя Лева! – произносит Роза, не открывая глаз. – Ну, что слышно?

Старик ждал этого вопроса. Он рад, что Роза не торопится и готова с ним поговорить.

– Хочешь хохму? – усаживаясь поудобнее, начинает старик. – Я сегодня пришел в сберкассу, так меня не хотели пускать! Охранник подумал, шо я – нищий! «Ботинки, – сказал, – у вас рваные!» Я – нищий! Как тебе это нравится?! Если б этот, извини за выражение, поц, знал, сколько у меня денег на книжке, он бы так со мной не разговаривал!

Роза открывает глаза и как бы ненароком опускает взгляд на стариковские ботинки.

– Шо ты смотришь?! – восклицает старик. – Это я специально надел! Шоб та баба в собесе увидела, какой я бедный, и быстро все оформила. Ты же знаешь, как это у них принято: заявление, рассмотрение, перерасчет... Как говорится, афн бойдем бакцах кнышес¹.

Пока Роза мысленно переводит, старик продолжает:

– Слушай, ты б ее видела! У нее та-а-акие ногти! Длинные, красные. А!.. Вот мне интересно, как она с такими ногтями стирает, варит, дом убирает!

– Я ее знаю... – вздыхает Роза. – Галя, на Островского живет, за колонкой... Не помните? Ну, неважно... Короче, у нее муж все делает.

– Муж?! – изумляется старик. – Муж варит?!

– И стирает! И дом убирает!

– Ой-ой-ой-ой... – закрыв глаза, качает головой старик. – Кого-то это мне напоминает...

«Сейчас опять про сына заговорит...» – думает Роза. И действительно, не проходит секунды, как старик произносит:

– Ты можешь мне объяснить, почему нельзя приехать? Чем Сема так занят, шо ему нет времени родного отца навестить?

– Дядя Лева, мы уже сколько раз за вашего Сему говорили! – устало произносит Роза. – Во-первых, не близкий свет. Во-вторых, он занят, он большой начальник...

– Он не просто начальник, Розочка, он – министр! – уточняет старик.

¹ «На чердаке пекут кныши» (*идиш*). Из еврейской народной песни. – Здесь и далее примечания автора.

– Вот! – соглашается Роза. И добавляет: – Вы думаете, мой Аркадий лучше? Я ему говорю: «Как ты в этой Москве живешь? Шум, гвалт, можно с ума сойти...» А он отвечает: «Большой город делает меня твердым!» Хотела бы я знать, что это значит...

– И не говори, Розочка, – соглашается старик, – они все такие, все поколение. За внуков я вообще молчу... Раньше ведь как было? Погромы были, революция, голод, войны. Через что мы только не прошли! А жили – как положено! Дети уважали родителей, жена была – жена, муж был – муж! Брат помогал брату, сосед – соседу. А сейчас? Все образованные, сытые, дом полная чаша, а живут черт знает как!

Роза пытается что-то сказать. Но старик не дает.

– Не перебивай! – хлопая себя по колену, повышает он голос. – Вот скажи, почему дети от родителей получают рост, волосы, уши, я знаю... нос. А мозги – не получают, а?

Роза давно знает старика. Больше сорока лет они живут по соседству. Вся жизнь, как говорится. Роза не хочет огорчать пожилого человека, опасается за его здоровье.

– Дядя Лева, а что Ньюма пишет? – выждав мгновение, меняет она тему.

– Ньюма? Пишет... Кстати, я его за это тоже однажды спрашивал. Еще до того, как он уехал. Так знаешь, что он мне сказал? Сказал, шо я темный человек! Есть, говорит, такой ген, шо отвечает за волосы и прочее. Ген-шмен... Я ему спрашиваю: «Хорошо, я старый, необразованный, а ты молодой, грамотный. Так скажи, а нет такой ген, шоб отвечал за совесть?» Так он с меня смеялся...

Роза сочувственно качает головой.

– Я, Розочка, так думаю, – продолжает старик, – каждое поколение должно быть лучше предыдущего! Лучше! Ты согласна? Роза опять кивает.

– Вот умница! Приятно с тобой разговаривать, Розочка! Только кто нас слушает?! Никто... И поговорить нема с кем! Когда-то можно было со стариками обсудить, с равнином посоветоваться. А сейчас я уже сам старик. За раввина и говорить нечего, кто его видел!

– Бабушка-а! – слышится из открытого окна.

– О! – вскакивает Роза. – Борюсик! Иду, любочка, иду! Что тебе дать? Есть бульончик, курочка, котлетки...

В окне появляется заспанный пятилетний Борюсик и сообщает:

– Мор-р-роженое!

– Шоб ты нам был здоров! – умиляется старик. – Бежи, Розочка, бежи, гэй гезинтэрэйт!²

Роза торопливо прощается и, подобрав ногами свалившиеся тапки, убегает.

Оставшись один, старик опять вздыхает. Закрыв глаза, думает, что у него, слава Богу, тоже есть внуки. Вспоминает, что когда-то и они были маленькие, а сейчас выросли, разъехались. «Как там Ньюма? – думает он про младшего. – Нужно ему написать. Напишу, что в собесе был, за Розу напишу, за ее внука. А в конце...» И, прикрыв глаза, старик думает, о чем еще поведает внуку. Ему надоело описывать погоду, быт, соседей, отвечать на вежливо-дежурные вопросы о собственном здоровье. Он хочет написать что-то важное. Вспомнить мудрую притчу, дать дельный совет. Но никак не удается подобрать правильные слова. Из-за этой чертовой жары невозможно сосредоточиться. Он отвлекается, быстро устает. Садится и тут же засыпает. Ему и сейчас хочется закрыть глаза, подставить лицо теплему ветерку и подремать. Недолго, пять минут...

На соседней улице дребезжит трамвай. Вслед ему лает потревоженная собака. Потягивающийся кот пугает стайку суетливых воробьев. Они с шумом разлетаются. Из раскрытого окна слышится: «Передаем сигналы точного времени. Начало шестого сигнала соответствует...» И сразу же слышится диалог Розы с внуком. Он, кажется, согласился на котлетки.

² Хорошей тебе дороги (*идиши*).

Старик открывает глаза и оглядывает пустой, залитый ярким послеполуденным солнцем двор. Вспоминает, что почти так же когда-то выглядела в Райгороде улица его детства. Конечно, не было машин, бензиновой гари, асфальта, столбов с проводами, радиоточек... Но так же светило солнце, отбрасывала тень акация, лаял злобный пес у дяди Василя, так же пахла горячая трава, звучали детские голоса... Он думает, что прошло столько лет, а ничего, в сущности, не изменилось. Он прожил длинную жизнь, и в ней случалось всякое. Горе, потери, разочарования... Хотя и хорошего было немало. Чего больше? Он и сам не знает. И даже хотел бы узнать, так никто не понимает, как это измерить. Хорошо бы встретить какого-нибудь мудрого человека и все ему рассказать. Но кому интересна чужая жизнь?! Каждому, как говорится, своего хватает... Но, если представить, что такой человек найдется, он бы рассказал. Честно, не упустив деталей, не утаив фактов. И когда он закончит, пусть этот человек скажет: «Да, Лейб Гройсман, ты прожил достойную жизнь». Или, наоборот, разочарованно покачает головой и спросит: «Не стыдно?» Но еще лучше, если бы этот человек ничего не сказал, а просто взял да и положил все на бумагу.

Часть первая

Городок, название которого вынесено на обложку этой книги, долго назывался иначе – не Райгород, а Крайгород. Что было довольно символично. Основанный в пятнадцатом веке, он несколько столетий находился на краю в буквальном смысле этого слова. Вначале – на южном краю Великого княжества Литовского, потом – на восточном рубеже Речи Посполитой. Позже – у северной границы Османской империи, а когда турок изгнали поляки, опять стал польской приграничной крепостью.

Возможно, такое название сохранилось бы и до нынешних времен, но в конце восемнадцатого века произошел очередной раздел Речи Посполитой, и городок оказался в составе Российской империи. Именно тогда в его названии произошли изменения: городок стал местечком, и из его названия исчезла буква «К». То есть Крайгород превратился в Райгород. Что с учетом геополитических перемен, вероятно, тоже должно было стать символичным.

Если местные украинцы и поляки возражали, то евреи отнеслись к изменениям философски – они их просто не заметили. Ибо что «на краю», что «в раю» евреям жилось примерно одинаково. Стараясь не конфликтовать с властями и соседями, они во все времена тщательно оберегали свою обособленность, землю не пахали, ремесленничали, торговали. Но главное – хранили традиции и бережно передавали их из поколения в поколение. И какие бы беды ни происходили – опустошительные татарские набеги, резня отрядов Богдана Хмельницкого, произвол польских панов, рекрутская повинность, – евреи никогда из тех мест не уходили. Более того, женились, рожали детей, строили дома и синагоги, развивали ремесла, расширяли торговлю. В общем, вращались в эту землю и обустроивались так, будто собирались здесь жить вечно.

В конце девятнадцатого века в Райгороде жили примерно четыре тысячи человек. Треть из них были евреи. Жили все более или менее дружно, друг другу не помогали, но и не мешали. Время от времени местный ксендз пан Тадеуш Липницкий, православный батюшка отец Илларион и глава еврейской общины реб Моше даже собирались вместе, чтоб выпить по стаканчику и поговорить за жизнь. Ребе рассказывал о тяжелой жизни евреев – слухи о погромах, высокие налоги, урядник-грубиян... Пан Тадеуш и отец Илларион его успокаивали, говорили, что нужно надеяться, верить и все изменится к лучшему. «Когда?» – устало вздыхал ребе. «Скоро! – отвечали “святые отцы”. – Не за горами двадцатый век, век просвещения и прогресса...» Ребе говорил, что, может, что-то где-то и изменится, но только не у нас. «Как не у нас?! – восклицал батюшка. – Не забывайте, где мы живем – в Райгороде!» – «У нас в первую очередь!» – соглашался с батюшкой пан Тадеуш. Реб Моше качал головой и говорил: «Ну-ну... Дай Бог! Посмотрим...»

Глава 1. Начало

В марте 1897 года в Райгороде, старинном местечке на юге Подольской губернии, сыграли свадьбу. Сендер Гройсман, сын покойного Лейба Гройсмана, лавочника из Пеньковки, женился на своей троюродной сестре, дочери местного шорника Соне Бронштейн.

Знакомые с раннего детства, молодые давно все обсудили и обо всем договорились. Они будут любить друг друга всегда, нарожают много детей, а на жизнь станут зарабатывать торговлей – откроют овощную лавку. Для осуществления этого плана они купят большой дом. Чтоб в одной его части можно было жить, а в другой – торговать. Здесь же они будут учить своих детей грамоте и ремеслу, а со временем, когда состарятся, передадут детям и дом, и парнусу³. «Хороший план! – одобрил ребе, подписывая ктубу⁴. – Как говорится, в добрый час!»

Дом нашелся почти сразу. Причем именно такой, как они хотели, – немного на окраине, но зато просторный и с двумя входами. Хозяин, булочник Волох, вдовец, собрался следом за детьми в Америку и выставил дом на продажу. Дети написали папе, чтоб продавал быстро, не торговался. Главное, чтоб хватило денег на билет на пароход, а уж там, в Америке, они его всем обеспечат, будет как сыр в масле кататься!

Так как Волох продавал недорого, денег, оставшихся Сендеру в наследство, хватило. Купчую оформили быстро, и сразу после Пурима⁵ молодые въехали. В задней части дома, с выходом на сад, огород и сарай, стали жить сами. А в той части, что выходила на шумную, ведущую к базару улицу, открыли овощную лавку.

Сендер был человек простой и добрый. Продолжая семейную традицию, дело свое знал хорошо, вел его разумно, толково. Но главное, с удовольствием. Утверждал, что, если бы не субботы и праздники, никогда бы лавку и не закрывал. «Сендер, ша! – посмеивались соседи. – Сделай перерыв! Смотри, жена убежит! Не сглазить бы, такая красавица...»

Соседи говорили правду. Соня действительно была красива. Причем той теплой, глубокой и лишенной внешней яркости красотой, которая отличает женщину по-настоящему красивую от заурадной красотки.

Целыми днями, хлопоча в лавке, Сендер и Соня ждали ночи, чтоб, забыв об усталости, поскорее оказаться в жарких объятиях друг друга. Засыпая, держались за руки и видели одни и те же сны. Просыпались с рассветом, чтоб с улыбкой встретить дела и заботы нового дня.

Так в трудах и радостях протекала их жизнь. Была любовь, пришли успехи в торговле, появился достаток. Только детей все не было. Вначале вообще ничего не складывалось. В следующие полгода Соня два раза беременела, но оба раза случались выкидыши.

Супруги переживали, думали, что не могут иметь детей, так как состоят в родстве. Ходили к раввину советоваться.

– Это вряд ли, – отвечал ребе. – Если двоюродные, то, конечно, не очень хорошо... а троюродные – так это разрешается. Это можно... Но надо соблюдать заповеди, молиться. И, даст Бог, все получится!

Сендер и Соня делали все, как велел ребе. Продолжали соблюдать заповеди. Молились два раза в день, утром и вечером. И в каждой молитве просили Бога дать им потомство. Соня хотела дочку, Сендер, разумеется, – сына.

³ Бизнес, дело (*идиш*).

⁴ Брачный договор (*иврит*).

⁵ Еврейский праздник, установленный в память о спасении евреев, проживавших на территории Древней Персии, от истребления Аманом-амалекитянином; приходится на конец февраля – начало марта.

Только через год Бог услышал их молитвы. В мае Соня забеременела, а в январе 1901 года, первого числа, родила. К радости Сендера, сына. Назвали его согласно традиции – в честь не дожившего до радостного дня рождения внука папиного отца – Лейбом.

Морозным утром следующего дня на базарной площади встретились раввин и православный батюшка.

– Если вы еще не знаете, – оглаживая длинную густую бороду, пробасил батюшка, – я вам сообщаю: у Сендера Гройсмана вчера родился первенец!

– Это я не знаю?! – воскликнул ребе, пощипывая жидкую бороденку. – Я знал еще... Еще до того!

– До чего? – удивился батюшка.

– Не имеет значения! – отмахнулся ребе. – Вы не поймете! В Талмуде сказано...

Святые отцы время от времени пускались в богословские споры. Ребе и сейчас был готов начать дискуссию. Но батюшка замахал руками, улыбнулся и примирительно произнес:

– Главное, чтоб был счастливым! Кстати, хочу вас попросить: когда будете делать брит⁶, не забудьте, что ребенок особенный! Родился в первый день нового века.

Раввин не признавал юлианского календаря, но на всякий случай спросил:

– Как именно я должен иметь это в виду? Как-то иначе резать?

– Резать... красиво! – расхохотался батюшка. Потом энергично потер красные от мороза щеки и добавил: – Буду за него молиться. Если, конечно, позволите...

– Почему нет! – разрешил раввин. – Хуже не будет!

И, похлопав друг друга по плечам, они разошлись.

Так, получив двойное благословение, маленький Лейб стал расти. В десять месяцев он пошел. В два года заговорил, причем сразу на двух языках – на идише и по-украински. В четыре бегло читал на иврите. В семь, немного поучившись в хедере⁷, быстро овладел основами арифметики. Спустя еще год меламед⁸, встретив Сендера на улице, сказал, что его сын может больше в хедер не приходить.

– Я недостаточно плачу? – забеспокоился Сендер.

– Я недостаточно знаю! – ответил учитель. – Мне больше нечему его научить. Отправьте мальчика в Умань или даже в Киев, в ешиву⁹. Он, с Божьей помощью, может стать хорошим раввином.

Когда Сендер принес эту новость в дом, выяснилось, что у меламеда есть союзники – обе бабушки. Они тоже сказали, что раз мальчик такой, не сглазить бы, умный, ему действительно нужно учиться.

– На Давида или, в крайнем случае, на Боруха... – говорила одна бабушка, имея в виду великого ребе Давида-Цви и великого мыслителя Баруха Спинозу.

По местечковой традиции она всех называла по имени, даже великих и незнакомых.

Вторая бабушка, со стороны папы, была менее притязательна. Она считала, что учиться нужно на богача. Даже искренне верила, что этому где-то учат.

Сендер неточно знал, кто такие Давид-Цви и Барух Спиноза, и был совсем не против, чтоб сын стал мудрецом. Но интуитивно он больше разделял мнение своей мамы – раввином, конечно, быть почетно, но как-то... необычно, что ли. Да и ответственность немалая! Никогда в их роду не было раввинов. И потом, что это за занятие такое – молиться? Лучше пусть,

⁶ Обрезание (*иврит*).

⁷ Начальная школа для мальчиков.

⁸ Учитель.

⁹ Высшая школа для подготовки раввинов.

как отец и дед, будет торговцем, лавочником. Верный, как говорится, кусок хлеба. А в Бога верить и так можно. Где написано, что для этого нужно быть раввином? А что касается учебы, так он не возражает, учиться надо. Например, в Проскурове¹⁰ есть коммерческое училище, и туда вроде бы принимают еврейских мальчиков. Он об этом подумает, время еще есть. А пока можно и дома учиться. Слава Богу, ему есть чему научить собственного сына.

И Сендер стал учить сына торговать.

Почти все время – с раннего утра и до позднего вечера – маленький Лейб проводил в лавке. К десяти годам он умел делать там практически все. При необходимости мог легко заменить родителей. При этом имел и собственные обязанности: доставлял товар покупателям и вел тетрадь «с кредитами». Последнее означало следующее: если у людей не было денег, товар им отпускали в кредит, под обещание заплатить потом. Размер долга и срок оплаты записывали в специальную тетрадь. При частичном расчете запись корректировали, при полном – удаляли. Поскольку люди в местечке жили в основном небогатые, то должников у Гройсмана было много, сотни две. Содержание тетради Лейб каким-то невообразимым образом помнил наизусть.

После бар мицвы¹¹ Сендер стал брать сына на встречи с поставщиками. К их немалому удивлению, юноша мгновенно производил в уме сложные расчеты. Что позволяло отцу быстро оценивать предлагаемые условия и принимать верные решения. Понятно, что к тому времени юноша уже неплохо говорил и читал по-русски. (Кстати, русский он выучил стараниями мадам Лавровской, помощницы местного аптекаря, которая по какой-то диковинной причине приехала в их места из самого Петербурга. Мадам Лавровская давала ему книги Пушкина, Толстого и Короленко, а при встрече они подробно обсуждали прочитанное.)

Так как с рождением сына молитвы о потомстве, видимо, не прекращались, семья росла. После Лейба Соня родила еще троих. Одна девочка умерла в младенчестве от дифтерита, а двое – Нохум и Лея – росли здоровыми и веселыми, на радость родителям и старшему брату.

Спустя много лет, рассказывая детям, а потом и внукам о своем детстве, семье, Лейб Гройсман скажет, что у него было хорошее детство и он был самым счастливым ребенком на свете. Дом, где он рос, был чистым, теплым и уютным. Он до сих пор помнит, какой свежестью и цветами пахло белье, которое стелила ему мама. Какой невыразимой, особой теплотой мерцали свечи пятничными вечерами. Какой доброй сказкой и мудрым предостережением звучала папина молитва перед шабатом.

И вообще, вспоминая родителей, Лейб Гройсман скажет, что они были людьми необыкновенными – веселыми, сильными, красивыми. И еще – богатыми. Но не потому, что успешно торговали. А потому, что считали своим богатством любовь. Простую, деятельную, созидательную. Любовь друг к другу, к старшему поколению, к детям, к своему дому и к своему делу. И они были горды своей любовью, сильны ею и потому – счастливы.

Будучи старшим ребенком в этой дружной семье, Лейб помогал маме растить сестру и брата, отцу – торговать. На вопрос, чем займется, когда вырастет, не задумываясь, отвечал:

– По торговой части! Как папа...

¹⁰ Так с 1795 по 1954 год назывался город Хмельницкий.

¹¹ Совершеннолетие.

Глава 2. Погром

Вероятно, так бы все и произошло. Но в августе 1917 года в Райгороде случился погром. Налетевшие с юга России конные казаки вместе с толпой местных мужиков и хлопцев в диком кураже и пьяном угаре полдня носились по местечку.

Начали с того, что заперли в старой синагоге раввина со всей его семьей, а потом эту синагогу подожгли. Затем разграбили все еврейские лавки в центре, разгромили три десятка домов и избili народу без счета. Других – так как атаман не велел стрелять – били палками, кололи пиками и рубали шашками.

Умаявшись, погромщики порешили перевести дух и обмыть удачу. Вернулись в разгромленную час назад питейную лавку Бершадского. Прямо на пороге добили хозяина табуретом, чтоб не отвлекал стонами. Потом, запивая церковным кагором и закусывая квашеной капустой, быстро выпили ящик кошерной водки. Разгоряченные, вскочили на коней и двинулись в сторону Писаревки. По дороге решили заглянуть в лавку Гройсмана.

Увидев в окно приближающуюся толпу громил, Соня спрятала детей в подпол.

Сквозь щель в полу Лейб слышал, как, хохоча и улюлюкая, погромщики ввалились в лавку. Кто-то возбужденно говорил:

– ...Вин до мэнэ руку протягнув, а я – хрясь! – и видрубав! А вин мэни в очи дывытыся и смиегыся и стрыбае, мов танцюе. Николы такого нэ бачив!

– Нэ можэ буты! – отвечал другой. – Брэшешь!

– От тоби хрэст святы! У Васыля спытай! Я сам здывуvasя!

– А потим шо?

– А потим вин в калюжу впаv и шось крычав по-ихнему, я не зрозумив...

– Дывни воны люды, ци жыды! Их вбывають, а вони танцюють...

– Так жыд – цэ ж не людына! Дэ ты бачив людыну, шоб сала не ила?! – Жыд вин и е жыд. Так хлопци?¹²

– Так! – дружно согласились погромщики и захохотали.

Едва смех утих, кто-то произнес:

– Ну добрэ! Пан есаул, шо тут делать будем? Рубать?

– Рубать! Рубать! – радостно подхватили голоса.

Дети в ужасе переглянулись и втянули головы в плечи. И тут же услышали, как вскрикнула мама. Следом послышался голос отца. Тонким, дрожащим и заискивающим голосом, торопясь и заикаясь, папа предлагал погромщикам деньги.

– С жидов не берем... – перебил отца тот, кого называли есаулом. – Жиды Христа продали!

– А может, взять? – предложил кто-то из местных. – С мельника Шора сто карбованцев взяли, и с этого надо!

– Правильно! – одобрил другой. – А то не по-божески выходит: один жид платит, а другой нет.

– Точно! – произнес кто-то тонким, мальчишеским и очень знакомым голосом. – И тетрадъ с «кредитами» надо спалить!

Лейб узнал этот голос. Это Яник, внук дяди Василя. Лейб вспомнил, как еще два или три года назад, зимой, они играли в снежки, замерзли. И мама сушила на печке промокшую

¹² Он ко мне руку протянул, а я – хрясь! – и отрубил. А он мне в глаза смотрит и смеется и прыгает, как бы танцует. Никогда такого не видел. – Не может быть! Врешь! – Вот тебе крест святой! У Васыля спреси! Я сам удивился. – А потом что? – А потом он в лужу упал и что-то кричал на своем языке, я не понял. – Удивительные они люди, эти жыды! Их убивают, а они танцуют. – Так жид – это же не человек! Где ты видел человека, который сала не ест? – Жид – он и есть жид. Так, парни? (укр.)

Яникову одежду, кормила его латкес¹³ и поила горячим молоком. А тот ел, пил, вытирал рот рукавом и от стеснения боялся поднять глаза.

«Яник, миленький, попроси за нас!» – мысленно взмолился Лейб.

Но Яник не попросил. Более того, грязно, по-взрослому, выругался и взвизгнул:

– Сендер, пся крев...¹⁴

«Как же так, – подумал Лейб, – он всегда обращался к папе на “вы” и называл его “дядя Сендер”, а тут...»

– Сам отдай, а то хуже будет! – визжал Яник.

– Отставить! – повысив голос, приказал есаул. – Атаман сказал ничего не брать! Только наказывать...

После чего икнул и, судя по звуку, достал из ножен шашку.

– Геволт¹⁵, убивают! – закричала мама.

– Готеню!¹⁶ – прохрипел отец.

– Ну, давай, хлопцы, с Богом! – деловито скомандовал есаул.

До сидящих в подвале детей донеслись звуки борьбы, грохот падающей мебели, звон разбитого стекла, и сразу – крики, стоны и мольбы родителей. Когда засвистели шашки, Лейб вжал голову в плечи, крепко прижал к себе Нохума и Лею и закрыл их уши ладонями. Но это не помогло. Дети слышали, как голоса родителей слились в один протяжный страшный крик и в мгновение оборвались.

Еще какое-то время звучали хриплые чужие голоса, слышались звон бьющейся посуды и треск ломающейся мебели. Со звоном открылась касса, затем с треском разбилось окно, другое. Заскрипела, а потом хлопнула дверь. Пьяный хохот и матерщина смешались с ржанием лошадей. Застучали копыта. И все стихло.

Сендера и Соню Гройсман похоронили на следующий день, вместе со всеми двадцатью четырьмя жертвами погрома. На старом, расположенном на холме еврейском кладбище, несмотря на проливной дождь и сильный ветер, собрались почти все жители местечка. Среди старых, покосившихся каменных надгробий с едва различимыми древними надписями стояли многочисленные евреи в черных одеждах. Чуть поодаль толпились крестьяне. У выкопанных могил поочередно молились православный батюшка, ксендз и раввин, специально прибывший из соседней Мурафы.

Скинув шапки и потирая удивленные, красные с перепоя глаза, истово крестились мужики. Бормотали, что сроду такого не было. Жидов, конечно, задирали, издевались, даже однажды свинью к ним в синагогу привели, но в целом более или менее дружно жили. А тут такая беда, будто черт попутал...

Громко, отчаянно, пугая детей и размазывая слезы на серых от горя лицах, молились крестьянские бабы. Евреи высокими срывающимися голосами нескладно, надрывно и горестно творили свой кадиш¹⁷.

Оплакивали погибших так горько и отчаянно, что с кладбища в ужасе улетели вороны.

Сразу после похорон, отослав сестру и брата к дяде в Жмеринку, Лейб вернулся в родительский дом.

¹³ Картофельные оладьи, драники (*идши*).

¹⁴ Польское ругательство.

¹⁵ Спасите (*идши*).

¹⁶ Боженька (*идши*).

¹⁷ Поминальная молитва.

Высокий, худой, нескладный, с торчащими в стороны волосами и красными от горя глазами, он стоял посреди разгромленной лавки и оглядывал следы побоища.

Сквозь разбитое окно в комнату ворвался ветер. Хлопнула дверь, качнулось висевшее на гвозде их семейное фото. Сделанное четыре года назад в Одессе в ателье Абрама Ронеса, оно украшало стену справа от входа, за мезузой¹⁸. Папа на снимке был в канотье, сюртуке и галстук, мама – в богатой кружевной шляпке и в платье с жабо. Родители на фото едва улыбались. Лейб в матросском костюмчике, с напряженным и торжественным лицом обнимал встревоженных Нохума и Лею.

Лейб дрожащими руками снял фото со стены, сдул с него пыль и в том месте, где были лица родителей, дважды приложил губы к стеклу.

На полу валялись разрубленные пополам, с торчащими спицами, отцовские счеты. Среди мусора и битого стекла рассыпались костяшки. Представив папу, закрывающегося счетами от казацкой шашки, Лейб вспомнил, как тот учил его на этих счетах считать. Едва сдерживая слезы, он подобрал с пола маленький круглый кусочек дерева и крепко сжал его в кулаке. На мгновение ему показалось, что отполированная круглая деревяшка до сих пор хранит тепло отцовской руки. Держа в одной руке фото, сжимая в другой костяшку, он в изнеможении опустился на пол. Просидел так, в забытьи, неизвестно сколько. Ему показалось – вечность.

Опять налетел ветер. Скрип открывшейся двери вывел Лейба из оцепенения. Он открыл глаза, глубоко вздохнул, не без труда поднялся, огляделся и вышел. Оказавшись на улице, не сдерживаясь, в голос, зарыдал.

Возможно, именно в тот день пролились его последние детские слезы.

¹⁸ Небольшой футляр, в котором на свитке пергамента написана молитва. Прикрепляется к дверному косяку. Используется как оберег в еврейском доме.

Глава 3. Первая лавка

Отсидев шиву¹⁹ и оплавав родителей, юный Гройсман решил, что прошлого не вернуть и нужно как-то жить дальше. Зарабатывать, как говорится, на кусок хлеба. Тем более что в семье он остался за старшего, а значит, ответственность за брата и сестру теперь лежит на нем.

Поскольку никакого дела, кроме торгового, Лейб не знал, то напрашивалось единственное решение – восстановить лавку. Как организовать работу, он более или менее понимал. Также понимал, что понадобятся деньги – на ремонт, закупку и прочее.

За деньгами Лейб решил обратиться к дяде Велвлу, маминому младшему брату. У дяди своя лавка в Жмеринке, следовательно, долго объяснять не придется. Кроме того, дядя всегда хорошо к нему относился. Так что отказать не должен.

Явившись к дяде, Лейб рассказал о своих намерениях и назвал сумму. Пообещал, что все вернет через год. Разумеется, с процентами. Выслушав племянника, дядя озадаченно почесал затылок. Он думал, что после гибели сестры и ее мужа ответственность за их детей ляжет на него. Их дом и лавку в Райгороде он решил продать, Лейба намеревался пристроить к делу, в собственную лавку. Что же до Нохума и Леи, он будет их учить, как учит собственных дочерей. Заодно Лея поможет им ухаживать за годовалым Арончиком. Они с женой уже все обсудили и спланировали, даже комнату приготовили. А тут такой неожиданный поворот...

– Тебе ж только шестнадцать! – сказал дядя. – Как ты справишься?!

– Семнадцать! – уточнил Лейб. – Справлюсь! Меня папа научил. У меня даже план есть!

– Ты ж понимаешь!.. – повел дядя бровью и потребовал изложить план.

Когда Лейб закончил рассказ, дядя озадаченно хмыкнул и опять почесал затылок. Беззвучно шевеля губами, произвел в уме собственные расчеты. После чего, ни слова не говоря, вышел и через несколько минут вернулся с деньгами. Прокашлявшись, сказал:

– За год не успеешь. Чтоб такое окупить, года два нужно, а то и все три. – Потом помолчал и, будто решившись на что-то важное, спросил: – Зачем тебе это? Ты же способный, ты учиться можешь... На техника или даже на инженера. Торговля – это такое дело... Если начнешь, обратной дороги уже не будет. Это на всю жизнь...

– Я решил! – твердо ответил Лейб.

Тогда дядя цокнул языком, поплюнявил пальцы и стал считать деньги. Отсчитал вдвое больше, чем просил племянник. Положив на стол пачку ассигнаций, сказал:

– В добрый час! Действуй. И еще... За сроки, проценты и прочее не думай. Торгуй с Божьей помощью, а там видно будет...

Лейб потратил деньги толково. Нанял двух работников и отремонтировал помещение. Пригласил столяра-краснодеревщика и восстановил мебель. Поехал на ярмарку в Мурафу и приобрел инвентарь, счета и старую, но рабочую кассу. Объехав соседние села, закупил первый товар. Накануне открытия приколотил над дверью табличку. На ней черной масляной краской было написано: «Лейбъ Гройсманъ. Фрукты и овощи. Постное масло».

Полюбовавшись, Лейб вспомнил надпись на двери одной одесской лавки, той, что была напротив фотоателье Ронеса. После чего сбегал в сарай, принес краску и кисть и аккуратно дописал: «Филиалов не имею».

Потом он прикрепил на дверной косяк мезузу и повесил на прежнее место покрытое новым стеклом их семейное фото.

На следующее утро, ровно в восемь, Лейб распахнул дверь лавки, встал за прилавком и приготовился встречать покупателей. Взволнованные Нохум и Лея стояли по обе стороны от

¹⁹ Неделя траура в еврейской традиции.

брата. Нохум для солидности надел кепку. Так как Лею не было видно из-за прилавка, ее поставили на перевернутый ящик.

Открылась лавка в октябре 1917 года.

Не прошло и двух недель, как в Райгороде обсуждали две новости: «Вы уже слышали за революцию?» – спрашивали одни. «Я вас умоляю!» – отмахивались другие. «Как это нас касается?! – добавляли третьи. – Это там, далеко, в Петербурге, в Москве... А вот то, что молодой Гройсман лавку восстановил, это, таки да, – новость!»

Но вскоре о революции написали в газетах. А газетам привыкли верить. Да и слухи докапались. Революцию стали обсуждать в домах, на улице, в синагоге, на базаре. Слово это проносили с разными оттенками чувств: полного равнодушия, сдержанного интереса, бурной радости, безотчетной тревоги. Люди в Райгороде знали, чем грозит денежная реформа или повышение налогов. Представляли, что делать при наводнениях, засухе или пожаре. Умели справляться с последствиями неурожаев. Даже пережили погром, и, к сожалению, не один. Но что это за диковинная революция – никто толком не понимал.

Лейб тоже беспокоился. Среди прочего он слышал, что после революции наступит коммунизм. Что это такое, никто не знал, но говорили, что при коммунизме отменят деньги. «Но если не будет денег, – переживал он, – то как торговать?!»

Не отыскав ответа, Лейб решил поговорить с дядей. Сказал:

– Кругом только и слышно: «революция», «коммунизм». И говорят, деньги отменят... Что вы за это думаете?

– Не морочь голову! – отмахнулся дядя. – Деньги не отменят никогда! Это раз. Другое дело – коммунизм! Я тут на прошлой неделе был в Белой Церкви, так мне один хлопец, Исаак Каплун его зовут, за это все объяснил. Сказал, что пролетарская революция, с Божьей помощью, свершилась и скоро можно будет не работать. Я ему спрашиваю: «А как деньги зарабатывать?» Так он сказал: «Деньги будут так раздавать!» Ты понял, сынок? Раз-да-вать! Но чтоб отменять, за это даже разговора нет. Кстати, этот Исаак – хороший хлопец! Я думаю, твой ровесник! Хорошо бы вам познакомиться!

– Откуда он знает, – засомневался Лейб, – где такое написано?

Дядя опасливо огляделся и, понизив голос, доверительно проговорил:

– Я так думаю, что этот Каплун сам революционер! Только ша! Я тебе ничего не говорил.

– Хорошо... – пожал плечами Лейб и подумал, что дядя звучит не очень убедительно.

Если все будут богатые, продолжал размышлять он, это, конечно, хорошо. Богатые покупают лучше, торгуются меньше, платят больше. Но, как говорится, «поки товстый схуднэ, хулый сдохнэ»²⁰. Поэтому пока что придется иметь дело с бедными. То есть продавать – дешево. Больше того, так как товар скоропортящийся, – еще и быстро. Но, чтоб дешево продавать, нужно дешево закупать. А как? Ушлые и хитрые, крестьяне-поставщики интерес свой знают, дешево не отдадут. Значит, их нужно как-то заинтересовать, предложить то, что другие не предлагают...

Примерно так размышлял Лейб, пока в его голове наконец не сложилась идея – столь же простая, сколь для того времени, да и тех мест, – необычная. Он когда-то слышал от одного папиного знакомого, маклера на Одесской бирже, что там заключаются сделки на покупку еще не выращенного зерна. Когда цена определяется заранее, когда пшеница еще даже не посеяна. Лейб тогда не понял, как это возможно, а спросить постеснялся. А сейчас вдруг без всяких подсказок сообразил, о чем шла речь. Отличная идея! Он тоже будет закупать свой товар – фрукты, овощи, подсолнечное масло – заранее, весной. И тоже будет платить за будущий урожай, еще не выращенный и не собранный. Но только при определенных условиях.

²⁰ Поговорка: «Пока толстый похудеет, худой сдохнет» (укр.).

Первое – цена будет ниже, причем значительно. А как иначе? Товар, как говорится, еще в земле, не вырос, не убран, а деньги он платит сразу! Второе. Цена будет зафиксирована на весь сезон. Третье. Примерно половину он уплатит сразу, весной, после сева, а остальное – позже, когда товар доставят. Причем когда это нужно ему, а не когда удобно крестьянам-продавцам. И четвертое. Товар должен быть доставлен в наилучшей кондиции – не гнилой и не битый. Только тогда Лейб уплатит вторую половину. Причем сразу же, при доставке, а не потом, когда продаст, как это принято у других лавочников.

«Конечно, рискованно, – продолжал сомневаться Гройсман. – Может случиться непогода, неурожай, могут не успеть убрать или не суметь сохранить, могут взять деньги и обмануть, да мало ли... Но, с другой стороны, и плюсы очевидны: он имеет низкую цену закупки и гарантию качества. Не говоря уже о том, что заботы о хранении перекладываются на поставщиков и можно сэкономить на складе. Некоторые крестьяне от таких условий, конечно, откажутся. Скажут: “Шо-то этот жид крутит...” Но большинство все же согласятся. Во-первых, они получают “живые” деньги за не выращенный урожай. Как говорится, “лучше синица в клетке, чем журавель на свободе”. А во-вторых, они имеют гарантию сбыта на весь сезон». Завершая размышления, Лейб решил, что в первую очередь нужно поговорить с теми, кто помнит отца.

Юный Гройсман, кстати, тогда часто его вспоминал. Папины уроки были просты и понятны. Практически готовые правила.

«Товар, – учил папа, – с ниоткуда не берется. Поэтому главное в нашем деле – найти надежного поставщика и дешево закупить. Поставщика своего нужно уважать – будь то неграмотный гой с Перцовки, у которого ты картошку берешь, или тот важный киевский франт из “Дома Высоцкого”. Словом, чем дешевле купишь, тем больше заработаешь.

Еще важно – не платить вперед. И вообще – не торопись отдавать деньги, проси отсрочку. И договаривайся за сроки. Чем больше срок, тем выгоднее. Деньги можно не один раз прокрутить, а два или даже три. Взял товар на ярмарке в среду, деньги отдай в следующую среду или через среду. Но если на какой-то день договорился, то уже плати вовремя, не задерживай!

Дальше – цена. Высокую поставишь, будешь долго продавать, товар испортится. Дешево продавать – получишь бульон от яиц. Поэтому главное в нашем деле – управлять ценой. Если хорошо берут, можно подороже поставить. Не берут – снижай цену, не будь жадным.

Но самое главное – люби своего покупателя. Надо, чтоб он всегда приходил с удовольствием и уходил в хорошем настроении. Поэтому никогда не обвешивай и не обсчитывай, Боже упаси! С каждым будь приветлив, даже если он в этот раз мало купил или вообще ничего не купил. И на прощание улыбнись ему и скажи: “Гэй гезинтэрэйт”. Тогда человек к тебе обязательно вернется и купит все, что ему надо».

Многими секретами их непростого ремесла делился отец. При этом, о чем бы он ни говорил, всегда звучало: «Главное в нашем деле...» Однажды Лейб не выдержал, решил уточнить – так что же самое главное? Папа ненадолго задумался и сказал: «Главное – тепло одеваться!» Лейб в недоумении расширил глаза. Тогда папа усмехнулся и пояснил: «Мы в лавке не топим! Когда жарко, товар портится».

Они тогда долго смеялись. А потом отец неожиданно сделался серьезным и сказал: «Все-гда нужно думать иначе, не так, как все. И действовать быстро! Вот это и есть главное».

«Легко сказать... – размышлял Лейб после того разговора. – Хорошо бы знать, как это сделать! Но время есть, научусь...» Ему тогда и в голову не могло прийти, что учиться придется совсем скоро. И – быстро.

Размышляя о собственном гешефте, Лейб иногда мысленно вступал с папой в диалог, будто советовался. И временами ему казалось, что папа говорит ему: «Не переживай, сынок, не бойся, все получится!» А он и не сомневается! Больше того, он так верит в успех, что в его воображении день ото дня все более отчетливо, в деталях, складывается образ результата – в

красках, звуках, запахах и даже, как это ни смешно, в деньгах. Настолько, что, закрыв глаза, он видит, как выглядит дневная выручка – в монетах и ассигнациях.

Вскоре размышления перешли в решения, решения – в действия, а действия привели к результату. Через короткое время в лавке Гройсмана стали продаваться лучшие в Райгороде овощи и фрукты: рассыпчатая калиновская картошка и золотистый крымский лук, мясистые херсонские помидоры и пупырчатые нежинские огурцы, краснобокие яблоки и сахарные груши из ярощенских садов, дыни и арбузы с херсонских баштанов. В начале сезона Гройсман первым среди местных торговцев привозил из Бессарабии клубнику и малину, позже – розовые крымские абрикосы, медовые персики и пахнущий солнцем виноград. Ближе к зиме в его лавке появлялось домашнее вино сорта «Изабелла», грецкие орехи и сухофрукты. Ну и, конечно, соленья собственного производства: ароматная квашеная капуста, хрустящие соленые огурцы, пряные бочковые помидоры и моченые яблоки. Кроме перечисленного, Гройсман круглый год продавал лучшее в округе подсолнечное масло – янтарного цвета, густое и ароматное.

Товар в лавке выкладывался новым, непривычным для тех мест способом: аккуратными горками на специальных, с уклоном, прилавках, которые Лейб сам же и сколотил. Идею эту он тоже когда-то подсмотрел в Одессе.

Также юный Гройсман ввел несколько удивительных новшеств.

Во-первых, отменил тетрадь с кредитами. Сообщил покупателям, что записывать ничего не будет и полностью им доверяет. С одной стороны, записывать было незачем, он и так все помнил. А с другой – людям такое отношение нравилось. Кстати, никто и не обманывал.

Во-вторых, он стал принимать заказы. Обремененная хлопотами хозяйка могла прислать кого-то в лавку с запиской-заказом. За пару часов Лея взвешивала и фасовала заказанные продукты. Заказ дожидался покупателя. А если ему не хватало времени зайти, можно было попросить доставить продукты прямо домой. Это стало обязанностью Нохума. Небольшой заказ он относил в руках, а крупный привозил в специально купленной для этого тачке. Кстати, к ее ручке был привязан колокольчик. Когда дети слышали его звук, они бросали игру и бежали навстречу. Секрет состоял в том, что в заказ всегда клали какой-нибудь маленький подарок – конфету, засахаренные орехи, сухофрукты в шоколадной глазури.

Далее. Дорогие и деликатные товары – ягоды и мягкие фрукты – при продаже упаковывали в деревянные коробочки или в бумажные пакеты, а не ссыпали в ведра или кошелки, как это обычно делали на базаре.

Еще Гройсман стал очищать от грязи и мыть картошку, свеклу и морковь. Мытые овощи лежали рядом с невымытыми и продавались чуть дороже. Вначале люди считали это баловством. Говорили: «Зачем переплачивать, сами помоем!» И покупали невымытых больше, чем обычно. Но со временем стали брать и чистые. Правда, стесняясь, покупали их украдкой, чтоб соседи не видели.

Также Гройсман освоил производство цветных леденцов в форме петушков и лошадок. Карамельный сахар и краситель он покупал в Кишиневе. Нохум перочинным ножиком вытачивал палочки. Лея варила карамель и разливала ее в формы. Лейб выставял фигурки на специальной этажерке, которую тоже смастерил сам. Разноцветные леденцы привлекали детей. Дети приводили мамаш. Покупая детям сладости, те заодно как следует закупались в лавке. Чего юный хозяин, собственно, и добивался.

И последняя выдумка. В окне, которое одновременно служило витриной, время от времени выставяли что-нибудь необычное: гигантский арбуз, диковинной формы тыкву, пирамиду из кукурузных початков, букеты из колосьев. Композиции эти составляла Лея. Люди специально ходили на них смотреть. «А раз уж пришли, – говорили глазающие, – так почему бы чего-нибудь и не прикупить?»

Открытая с раннего утра и до позднего вечера, лавка Гройсмана постепенно приобрела популярность. Чаще всего хозяин стоял за прилавком сам. Помогали ему, как он еще недавно сам помогал родителям, младшие Нохум и Лея.

Люди вначале ходили из жалости. Говорили: «Сирота, нужно помогать...» Потом – из любопытства. Удивлялись: «Неопытный, а с делами-то как ловко управляется! Получается не хуже, чем у родителей!» В конце концов стали приходиться из практических соображений. Соглашались с тем, что у Гройсмана продаются лучшие товары, да еще и по самым справедливым ценам. Для приготовления повседневной, будничной еды жители Райгорода обходились дарами собственных садов и огородов. При необходимости – ходили на базар. Но, готовясь к субботе и праздникам, особенно к свадьбам, отправлялись к Гройсману – купить пусть немного, но зато самого лучшего и качественного. Чтоб, как говорится, не стыдно было на стол поставить!

Дела шли так хорошо, что не прошло и года, как Лейб решил вернуть дяде долг. Но дядя денег не взял. Сказал, что ему не к спеху, можно когда-нибудь потом. Тогда Лейб предложил превратить дядин заем в долю. Например, дяде может принадлежать треть гешефта.

Дядя усмехнулся. Как обычно, считая в уме, пошевелил губами и сказал:

– Четверть.

Ударив по рукам, они стали прощаться. Но тут Лейб опять о чем-то подумал, задержал дядину руку в своей и предложил:

– Так, может, откроем филиал в Жмеринке?

– Почему нет... – опять согласился дядя.

И, обсудив детали, они еще раз ударили по рукам. Но планам не суждено было сбыться. На юг Украины пришла Гражданская война.

Глава 4. Гражданская война и другие возможности

Трезво оценив ситуацию, Лейб открывать филиал действительно передумал. Более того, даже работающую лавку решил закрыть. И вовсе не потому, что испугался. Просто он понял, что обстоятельства изменились необратимо. Причем настолько, что изжила себя сама идея. В такое тревожное время, рассудил он, людям не до праздников и застолий. Не имея регулярных доходов и не видя перспектив, люди будут экономить. Следовательно, деликатесов покупать не станут. А если так, то и лавку держать незачем.

Приняв решение, он сообщил о нем Нохуму и Лее.

– Жалко, конечно... – говорил он. – Столько сил потрачено. Да и заработок был неплохой. Но что поделаешь...

– Ничего, брат, – отвечал Нохум, – прокормимся! Вон у нас сколько всего остается: картошка, морковь, масла полбочки!

– И леденцов штук пятьдесят! – добавляла Лея.

– Это точно! – соглашался Лейб. – Главное, не переживать! Не пропадем!

Но, успокаивая брата и сестру, он отдавал себе отчет, что сам не знает, как и чем зарабатывать на жизнь. Много идей тогда крутилось в его голове. Но главной в конце концов стала следующая.

Когда-то мадам Лавровская давала ему журнал, название он не помнил. И там была статья о том, как предприимчивые люди зарабатывали во времена разных войн. Какие-то банкиры – Ротшильды, кажется – давали займы королям. Фабриканты и заводчики (фамилий он тоже вспомнить не мог) поставляли для армий оружие, боеприпасы и технику. Другие – обмундирование. И все это приносило им неплохие деньги! В той статье, вспоминал Лейб, еще были рассуждения о том, что зарабатывать на войне – нехорошо. (Там еще было слово, которое ему очень понравилось – «неэтично».) Но, с другой стороны, любая война нуждается в финансировании, в том числе частном. И если с этим согласиться, то нужно согласиться и с тем, что деловые люди не должны работать себе в убыток. Да и вообще, утверждал автор, на войне морали нет. «Или все-таки должна быть?» – размышлял тогда Лейб. И тут же сам себя спрашивал: «А где она вообще есть, эта мораль?»

И вот сейчас он вспомнил ту статью и подумал, что тоже так может. Чем он хуже? На большие гешефты ему, конечно, замахиваться не стоит, а вот поставлять для армии продукты он бы, пожалуй, смог. Как говорится, почему нет.

Правда, нужно себе честно признаться, что эта парнуса ему пока не знакома. Оптовая торговля – это не в лавке торговать! Здесь свои правила, свои законы. Так как никакого собственного капитала не хватит, нужно получить заем в банке. Заиметь надежных поставщиков. Организовать доставку и хранение. А это склад, телеги, лошади, грузчики, счетоводы... Которых, кстати, нужно нанять. Причем не родственников, а посторонних, квалифицированных. Он никогда ничего такого не делал, даже не знает, как к этому подступиться...

И потом, самый главный вопрос – кому продавать? С какой именно армией следует иметь дело? Продавать красным – белые убьют, с белыми иметь дела – красные зарубают. Можно, конечно, игнорировать и тех и других и продавать петлюровцам, анархистам или... черт их маму знает, как они там все называются. Но, с другой стороны, все эти сотники, куренные, атамань, командиры – ничем друг от друга не отличаются. В том смысле, что никогда не знаешь, чего от них ожидать. Могут не заплатить, ограбить, даже убить могут. Короче, сто вопросов и ни одного толкового ответа... Но как правильно говорят гоим: «Волков бояться – в лесу не гуляться». Другими словами, пока не начнешь, ничего и не поймешь...

Поразмышляв так неделю-другую, Лейб по традиции поехал советоваться к дяде. Тому идея не понравилась. То есть показалась хорошей, но рискованной. После недолгого разговора

дядя сказал: нет. Лейб еще горячился, приводил резоны, демонстрировал расчеты. Но убедить так и не смог. В итоге договорились, что дядя не в деле, но и племянника ограничивать не станет. При этом денег дяде возвращать не нужно и на свою часть прибыли от нового гешефта он тоже не претендует. Но если Лейбу потребуются помощь или совет, то всегда пожалуйста! Лейб же сказал, что дядину долю все равно будет начислять и за советом придет. Если, конечно, понадобится. На том и распрощались.

На следующий день Лейб взялся за дело. Мобилизовал все имеющиеся наличные деньги. Объехав соседние села, на новых условиях договорился с крестьянами о закупках. В своем дворе соорудил навес. Арендовал у соседа амбар. Поехал на ярмарку в Мурафу и купил там ломовую лошадь и новую телегу на рессорном ходу. Проинструктировал брата и сестру. Нанял толкового счетовода Бройтмана из Перцовки и трех местных грузчиков. Через неделю все было готово. Осталось только приколотить табличку.

На новой он написал: «Военные провиантские склады». (Имя и фамилию владельца, поразмыслив, решил не указывать.)

Вскоре дело пошло. Да так, что Гройсман сам не ожидал. Товар он стал отгружать уже не фунтами, ведрами и ящиками, как раньше, а пудами, мешками и телегами. Трудился как вол. Не успевал поесть. Спал по три часа в сутки. Сестра с братом спали на час больше.

Игнорируя классовые противоречия, Гройсман в конечном счете решил, что будет продавать товар всем, кто в состоянии за него платить: красным, белым, зеленым, анархистам. Петлюровцам? Почему нет! Махновцам? Да пожалуйста! Лишь бы платили! Вспоминая отцовские наставления, он был одинаково учтив и доброжелателен с представителями всех воюющих сторон. В итоге за неделю стал зарабатывать больше, чем прежде за год.

Кстати, опасения его не подтвердились. Несмотря на беспорядки и обычное для того времени беззаконие, все покупатели вели себя более или менее пристойно. Не грабили, не своевольничали, даже за товар платили сполна и в срок. (Видимо, еще сказывалась инерция деловых традиций старого времени.)

Для конных эскадронов Симона Петлюры Гройсман подрядился поставлять овес и муку. Так как петлюровцы планировали оставаться в Райгороде долго, заказ сделали большой, с запасом. Заплатили вперед за весь товар. Гройсман поставил первые двести пудов овса. Еще четверта собирался привезти в течение месяца. Муку должны были доставить в понедельник. Но в ночь с пятницы на субботу петлюровцы из Райгорода неожиданно ушли. Гройсман хотел вернуть деньги. Некому было.

На смену Петлюре пришел красный командир Котовский. Жители встретили его радушно. Отведав приветственных хлеба-соли, красноармейцы потребовали самогона, причем много и быстро. Пока местный староста растерянно вращал глазами, Гройсман сказал: «Нема вопросов, панове! К завтраку все будет!» Объехав за ночь соседние села, он скупил у крестьян двести четвертей отборного первака. Утром сгрузил его в сарае красноармейского интенданта Исаака Каплуна, того самого дядиного знакомого, который говорил, что после революции не будет бедных.

Здесь нужно прерваться, ибо история Исаака Каплуна примечательна.

Исаак родился и вырос в крохотном местечке под Киевом в бедной еврейской семье. К своим неполным девятнадцати годам он мог бы освоить какое-то ремесло, помогать родителям, завести собственную семью, словом, жить нормальной жизнью, как все. Но Исаак ничего этого не сделал. Ибо находился в глубоком экзистенциальном кризисе. Суть кризиса заключалась в следующем.

С одной стороны, у юноши была настоящая еврейская душа и ему хотелось хранить традицию: молиться, изучать Талмуд, читать Тору. С другой стороны, его увлекали революционные идеи. Испытывая традиционное чувство вины не только к собственному народу, но и к людям труда в целом, он мечтал избавить всех от векового рабства. При этом первые два его устремления конфликтовали с третьим – желанием заработать побольше денег и выбраться из векового плена нищеты, в котором пребывали несколько поколений его семьи.

В поисках способа примирить первые два устремления Исаак стал искать евреев-революционеров. В итоге записался в какой-то диковинный кружок последователей трудовой партии Бунд. И почти сразу влюбился в руководителя кружка, феминистку Фаню Розенблюм. В ответ на признание в любви Фаня сообщила Исааку, что любовь – это архаичный пережиток, а раз так, то мужчины – существа бесполезные. Исаак обиделся. Причем ладно бы на Фаню, он рассердился на весь кружок! И со скандалом его покинул. Не спал ночь, а наутро решил, что если уж что-то в жизни менять, то кардинально! В тот же день собрал вещи и покинул родительский дом. Правда, уехал недалеко – в Белую Церковь.

Там он встретил большевиков. Обнаружив, что почти все они – евреи, обрадовался и тут же к ним присоединился. Более того, активно включился в работу. И быстро обнаружил, что новые соратники ему тоже малосимпатичны. Он думал, что вместе они будут бороться за счастье трудового народа, в первую очередь – собственного. Но пришлось участвовать в неожиданных и в целом малоприятных мероприятиях: закрывать синагоги, преследовать сионистов, высылать раввинов, разгонять хедеры. Евреи-большевики, стремившиеся к братскому единению всех народов, начали с упразднения собственного. Исааку это категорически не понравилось, и он решил размежеваться и с большевиками.

Исчерпав возможности для национальной и политической самореализации, Исаак решил на какое-то время сместить фокус, а именно – сосредоточиться на заработках. Что в условиях бушевавшей вокруг Гражданской войны было непросто. Тогда Исаак резонно предположил, что зарабатывать нужно подальше от родины. Например, в Румынии. Во-первых, недалеко, во-вторых, там не воюют, а в-третьих, он слышал, что в тех краях деньги сами в карманы прыгают!

Дорога в Бухарест лежала через Жмеринку. Там Каплун познакомился с человеком, который рассказал, как совместить революционные убеждения, еврейский образ жизни и личные заработки. Нужно вступить в Красную армию и стать интендантом. На вопрос, что это значит, новый знакомый объяснил, что так в армии называют снабженцев. Они тогда проговорили еще часа полтора, и поезд на Бухарест уехал без Каплуна.

В тот же день Исаак явился в ближайшее расположение Красной армии. Нашел командира. Сообщил ему, что имеет большой опыт революционной борьбы и хозяйственной деятельности. Через полчаса он примерял красноармейскую форму.

В день, когда Гройсман привез самогон, исполнилось ровно три месяца, как Каплун служил у красных. Дочитывая у себя в сарае утреннюю молитву «Шма Исраэль», он никак не мог сосредоточиться на ее содержании. Отвлекали его две мысли: во-первых, как избавиться от опостылевшей Броньки-комиссарши, которая, как солдат, храпит за занавеской, и, во-вторых, хорошо бы занять надежного компаньона-поставщика из гражданских. Чтоб мог возвращать комиссионные при оплате за поставленный товар.

И тут в расположение хозяйственного батальона, скрипя и позвякивая, вкатилась телега, груженная самогоном. Натянув вожжи, Гройсман остановил лошадь и ловко спрыгнул на землю. Звякнули бутылки. Заржала лошадь. На шум вышел Каплун. В его руках был раскрытый молитвенник. На голове вместо кипы лежала буденновка. На узких покатых плечах криво висел грязноватый талес²¹.

²¹ Молитвенное покрывало.

Увидев странного еврея, Гройсман оторопел. Через мгновение осторожно, с вопросительной интонацией, произнес:

– Шалом!

– Шалом-шалом... – не удивившись, ответил Каплун и спросил: – Вус осты гебрахт?²²

Услышав знакомую речь, Гройсман решительно скинул брезент. В лучах утреннего солнца блеснули зеленые горлышки. По двору распространился густой запах сивухи.

Пока радостные красноармейцы разгружали самогон, Гройсман и Каплун познакомились, разговорились и почти сразу подружились.

В конце беседы Каплун заплатил за товар. Гройсман отсчитал пятнадцать процентов и вернул Каплуну. Пересчитав комиссионные, Исаак покровительственно похлопал Лейба по плечу и весело сказал:

– Теперь ты видишь, шо с нами, коммунистами, таки можно иметь дело?!

Красная армия квартировала в Райгороде две недели. Все это время бойцы беспробудно пили, дрались и орали революционные песни. Нанесли местечку значительный урон: повалили заборы, вытоптали огороды, переломали кусты и фруктовые деревья. Самогон красноармейцы получали со склада, а закуску им предложили добывать самостоятельно. В итоге во многих хозяйствах недосчитались кур, уток и гусей.

Гройсман слышал, как сосед Гнатюк жаловался другому соседу:

– Забрали порося и тут же прирезали!

– Скажи спасибо, шо тебя не прирезали...

– Та не, красные не убивают. Насилуют, это да...

– Та ты шо! А кого снасиловали?

– У Терентихи, эту...

– Та ты шо!!!

– Та не, козу...

– А, ну слава Богу. А Терентиха шо?

– Шо-шо... Ничо. Сказала: «Могли ж забить! А так – ничо страшного...»

Потом власть опять сменилась.

Выбив красноармейцев, Райгород занял отряд Добровольческой армии Деникина.

– Г-граждане к-крестьяне! – заикаясь, выступал на сельском сходе белогвардейский штабс-капитан. – Революция з-закончилась! Большевистский мятеж п-подавлен! Мы наведем к-конституционный порядок! Восстановим м-монархию!

Евреи слушали, обменивались тревожными взглядами. Крестьяне одобрительно кивали. Из толпы кто-то осторожно интересовался:

– А горилку пить будете?

– А курей, свиней резать?

– Не б-бойтесь! – отвечал штабс-капитан. – К-коммунистическая мразь б-будет на-аканана! Жиды за все о-ответят!

Толпа встревожилась. «Что с нами теперь будет?» – запричитали люди. «Что будет со всеми, то будет и с вами», – отвечали им другие люди. Но как бы там ни было, после таких слов в воздухе повисло тревожное ожидание погрома. Прошли слухи, что по степени жестокости и масштабу разрушений деникинские погромы страшнее прежних, дореволюционных.

В тот же вечер в синагоге собрался совет общины. Посовещавшись, решили, что есть только один выход – откупиться. Дали команду собирать золотые монеты и украшения. Стали прикидывать, кого назначить парламентаром. Не сговариваясь, подумали про Гройсмана.

²² Что ты привез? (идши)

Решили, что, во-первых, он умеет со всеми общий язык найти, а во-вторых, хорошо говорит по-русски. Тут же за ним и послали.

Не то чтобы Лейб такому заданию обрадовался. Но и отказываться не стал. Во-первых, если община решила, нужно выполнять. А во-вторых, ему оказано нешуточное доверие. Не каждому выпадает шанс проявить себя в роли героя-спасителя.

Поздним вечером следующего дня, получив от ребе фунт золота, Гройсман отправился к штабс-капитану. Офицер повел себя неожиданно. Усадил бледного гостя за стол, предложил чаю и вежливо поинтересовался целью визита.

Выслушав сбивчивый рассказ, от выкупа категорически отказался. Более того, сообщил, что жидам нечего беспокоиться, погрома не будет. И тоном, близким к извиняющемуся, пояснил:

– П-просто не успеваем-с. На р-рассвете выдвигаемся на Х-херсон!

Гройсман так удивился, что даже не нашел что сказать. Лишь пробормотал:

– Не бывал, говорят, красивый город...

Штабс-капитан усмехнулся и сказал, что тоже не бывал, но по прибытии обязательно полюбуется достопримечательностями. Потом сообщил, что, если у посетителя больше нет вопросов, то он его больше не задерживает. После чего встал, щелкнул каблуками и почти-точно склонил голову.

Гройсман так впечатлился приемом, что ему захотелось сказать что-то соответствующее. Но во рту пересохло, да и слов он подходящих не нашел. Поэтому торопливо попрощался и, чуть не уронив стул, поспешно вышел.

По дороге домой Лейбу было не по себе. В первую очередь он переживал из-за собственного косноязычия. Он никогда за словом в карман не лез, а тут растерялся. Но с другой стороны, а что он мог ответить? И тут Лейбу припомнились папины слова, что мужчину украшают не слова, а дела. Точно! На благородство он ответит благородством! Он не будет продавать деникинцам провизию. Он ее подарит! Вот сейчас вернется к себе, загрузит пару телег овощей, крупы, муки, масла и – доставит! Увидев товар, штабс-капитан спросит: «Сколько платить?», а Лейб махнет рукой и скажет: «Грошей не надо! Так берите!»

Но не успел он додумать эту мысль, как в голову пришла другая – бежать отсюда, пока цел. Что он тут же и сделал.

Добежав до дома, плотно запер дверь, скинул сапоги и в изнеможении рухнул на кровать. Опуская голову на подушку, подумал, что вначале немного отдохнет, а только потом пойдет в синагогу доложить, как все прошло.

Подумал и сразу уснул.

Разбудил Лейба стук в дверь. Открыв ее, он увидел на пороге раввина и старосту. Прямо с порога гости стали горячо его благодарить, восхищаться смелостью и отвагой. Как он так умудрился все организовать? Это ж надо – деникинцы не просто не тронули евреев, но и вообще покинули местечко?! Пусть Лейб им расскажет. Нет, не только им! Пусть он всем расскажет!

Гройсман уже открыл рот, чтоб рассказать, как все было на самом деле, но в последний момент передумал. Просто скромно опустил глаза и развел руками. Визитеры еще какое-то время потолкались, взяли обещание, что вечером Лейб придет в синагогу, и ушли.

Выпроводив их, Лейб стал собираться на работу. Надел штаны и рубаху, натянул сапоги. Взявшись за пиджак, почувствовал, что он тяжелый. И тут же в ужасе сообразил, что в суматохе забыл про золото. Первым желанием было броситься вдогонку и вернуть ребе драгоценности, но пиджак зацепился за гвоздь. Дернув пару раз и не сумев его снять, Гройсман подумал, что, может, уже и не нужно никуда бежать. Как говорится, не судьба. Поколебавшись еще мгновение, он вынул из кармана мешок с золотом и унес его на чердак.

Какое-то время после той ночи Гройсман испытывал муки совести. Честно говоря, он и сам не понимал, почему так поступил. Не то чтобы ему хотелось присвоить чужое, обмануть

общину. Боже упаси, даже в мыслях не было! А что было? Поразмыслив, он пришел к выводу, что руководствовался чем-то вроде тщеславия. Все думают, что он герой, уберег местечко от погрома. Но, вернув золото, пришлось бы признаться, что его заслуги в уходе деникинцев нет. А это удар по самолюбию. Вот он и не сказал правды. Но, с другой стороны, он ведь никого и не обманул. Его не спросили, он и не рассказал.

В конце концов Лейб пришел к выводу: как случилось, так случилось. И пусть все идет, как идет. Драгоценности он надежно спрятал и решил, что ничего оттуда не возьмет. Пусть лежат. Жизнь подскажет, как правильно поступить...

В течение следующего года власть в Райгороде менялась восемь раз.

Все борцы за народное счастье вели себя примерно одинаково. Заняв местечко, собирали людей на сход. Обещали сытую жизнь, справедливый суд и гуманные порядки. Потом становились на постой к жителям и тут же начинали их обирать. Если хозяева возражали, добро отнимали силой. Напившись, бойцы били посуду и орали песни. Дрались и крушили мебель. Насиловали девок, а то и баб. Ну и, конечно, «для порядка» поколачивали евреев. «А как, – говорили они, – чтоб жиду по морде не дать? Не по-людски как-то...»

Люди от всех этих безобразий устали. Из-за безвластия и нестабильности нарушился привычный жизненный уклад. Так как не ясно, что делать с урожаем, стали меньше сеять. Скотину тоже держать незачем, все равно отнимут – не эти, так другие, не другие, так третьи. Торговля тоже утратила смысл: зачем зарабатывать, если не на что тратить. «И вообще, – роптали люди, – неизвестно, живы ли будем...»

Крестьяне лениво копались в огородах, варили самогон и без меры пили. Евреи вяло ремесленничали и осторожно торговали.

Никто не строил планов на будущее, жили днем сегодняшним. В синагоге ходили разговоры: «Ничего, даст Бог, будет лучше...» – «Лишь бы не было хуже!» – «Куда уже хуже...»

В конце концов Райгород заняли отряды красного командира Егорова при поддержке конницы Тухачевского. Установилась какая-то минимальная дисциплина. До жителей довели нормы довольствия для ставших на постой солдат и офицеров. Одновременно за мародерство осудили и сразу расстреляли двух красноармейцев. Новые порядки никому не нравились. «Но лучше уж такие, чем совсем никаких», – говорил раввин. С ним соглашались ксендз и батюшка. И люди им верили. А кому еще?

Гройсман же, в отличие от земляков, к переменам относился более или менее спокойно. И даже одобрительно. Считал, что такая неразбериха заработкам не препятствует, а наоборот – способствует.

Еще через какое-то время стало окончательно понятно, что большевики пришли надолго. Осознав это, Гройсман перевел опт обратно в розницу. Амбар отремонтировал и вернул соседу. Лошадь с телегой добровольно передал в распоряжение Красной армии. Выплатив полугодовое жалованье, рассчитал работников. Закрасив белой краской твердые знаки, вернул на место прежнюю табличку. И стал торговать, как раньше. На вопросы соседей «как дела?» отвечал: «Потихоньку...» Он действительно не торопился. Размышлял так: «Прилично накопил. На жизнь хватает, и слава Богу! А там видно будет...»

Вскоре, умаявшись от экономических невзгод, власть ввела нэп²³ и стала поощрять инициативу частных. Поразмыслив, Гройсман решил, что в таких условиях можно вновь как следует развернуться.

²³ Новая экономическая политика. Осуществлялась с 1921 по 1928 г. Имела целью временное введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений.

На этот раз дядя с его решением согласился. Более того, сказал, что у себя в Жмеринке он уже развернулся. При этом предупредил:

– Но имей в виду, нужно пойти в фининспекцию и взяться на учет.

Гройсман «взялся». Получив патент, стал торговать легально. Отношения с властью выстроил единственно разумным способом – небольшие налоги аккуратно платил государству, а значительно большую сумму отдавал фининспектору лично. Тем более что инспектором стал его старый друг и надежный компаньон Исаак Каплун.

Ассортимент в лавке Гройсмана существенно расширился. Теперь тут можно было купить не только ведро картошки, ящик яблок или бутылку масла, но и «сопутствующие» товары: ткани, посуду, конскую упряжь и даже стройматериалы. Причем сопутствующие товары приносили даже большую прибыль, чем продукты. Причина была в следующем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.